

Андюсев Б.Е. Концепция исследования:

Ментальность традиционного времени русских старожилов Енисейской Сибири

Страница 1. Постановка проблемы и концептуальная рамка «от вызова через архетип к стереотипному паттерну»

Ключевая проблема исследования состоит в том, чтобы показать, как формировалось и развивалось локальное традиционное сознание русских старожилов Сибири в условиях первоначальной взаимной адаптации Сибири и русской этнической культуры, периодических внешних вызовов, и как эти вызовы запускали процессы новой перманентной адаптации, приводившие к закреплению новых устойчивых моделей поведения. На рубеже 19-20 вв. трансформация культуры и ментальности русских старожилов в условиях промышленной модернизации.

Традиционная историография часто фиксирует только внешние события и институциональные изменения, а классическая психология склонна абстрагироваться от исторического контекста, оперируя универсальными моделями психики. ***Историческая психология ментальностей*** преодолевает эту ограниченность, соединяя оба измерения: она раскрывает, как социально-исторический контекст формирует глубинные установки сознания и как эти установки, в свою очередь, определяют логику действий и устойчивость культурных практик.

Концептуальной рамкой исследования выступает модель «от вызова через архетип к стереотипному паттерну»:

Вызов — внешнее событие или процесс, нарушающий привычную устойчивость (природно-климатические условия, переселения, административные реформы, рыночная модернизация).

Архетип — глубинная, устойчивая культурная матрица, задающая возможные направления реакции (коллективизм, справедливость, автономия, осторожность к резким переменам).

Стереотипный паттерн — новая устойчивая форма поведения, которая закрепляется в сообществе и становится локальной нормой.

Для темы сибирского субэтноса эта рамка особенно продуктивна: она позволяет показать, что «сибирский характер» не является статичным набором черт, а представляет собой результат многовековой адаптации, где старые этнические константы «пересобираются» в новых условиях.

Формулировка-пример:

«Модель „от вызова через архетип к стереотипному паттерну“ позволяет системно описать эволюцию ментальности русских старожилов: каждый значимый вызов (освоение новых земель, приграничье, рыночная модернизация) запускал адаптивные процессы, в которых глубинные архетипические установки получали новую реализацию, закрепляясь в виде устойчивых локальных паттернов поведения и норм. Такой подход преодолевает упрощённое противопоставление „традиция — модернизация“, показывая, как старые модели становятся ресурсом адаптации».

Страница 2. Теоретико-методологические основания и классические истоки

Методология исследования опирается на междисциплинарный синтез и принцип историзма. Историческая психология ментальностей развивается на пересечении истории, психологии, этнологии и культурологии. Её важнейшие теоретические истоки — подход школы «Анналов» (Люсьен Февр, Марк Блок) и работы А. Я. Гуревича. Февр учил искать в источниках «ненамеренные высказывания» — те детали, которые авторы фиксируют мимоходом, но которые раскрывают глубинные установки эпохи. Гуревич показал, как категории времени, пространства, труда, собственности формируют «умственный инструментарий» эпохи и определяют способы восприятия реальности.

В рамках исследования применяются следующие ***методы:*** Историко-психологическая реконструкция — воссоздание картины мира и типичных моделей поведения на основе косвенных свидетельств. Герменевтический анализ — интерпретация текстов и культурных феноменов с учётом контекста эпохи.

Биографический метод — изучение индивидуальных траекторий (например, путь И. И. Крафта от писаря до губернатора) как индикаторов сдвигов в социальной мобильности и отношении к власти.

Контент-анализ — выявление устойчивых тем, установок и лексики, отражающих сдвиги в ментальных представлениях.

Анализ хронотопоса — сопоставление времени историка, времени изучаемой эпохи и промежутка между ними для отслеживания эволюции ментальных установок.

Психосемантические методы — реконструкция представлений и ценностей через анализ смысловых структур.

Формулировка-пример:

«Опора на классические подходы Февра и Гуревича позволяет избежать модернизации прошлого и сосредоточиться на реконструкции „умственного инструментария“ эпохи. В сочетании с междисциплинарными методами это даёт возможность интерпретировать разнородные источники (этнографические записи, хозяйственные описания, административные документы) как взаимодополняющие свидетельства о картине мира старожилов».

Страница 3. Эмпирическая база и верификация: триангуляция источников

Эмпирическая база исследования включает широкий круг источников, которые в совокупности позволяют верифицировать устойчивые паттерны: Архивные источники ГАКК, Фонд А.А. Савельева, этнографические записи (А. А. Савельев): приметы, ритуалы, обряды — это язык неосознаваемых установок, фиксирующих границы «своего» пространства и способы коллективной защиты от рисков.

Хозяйственные и демографические описания (Ф. Ф. Девятов): распределение ролей, обязанности, сезонный ритм труда — это проявление картины мира в повседневной практике.

Административные и биографические материалы (материалы о И. И. Крафте): модели социальной мобильности, отношение к власти и бюрократии — это отражение ценностных иерархий и сдвигов в нормативной картине мира. Источниковая литература XIX века (Щапов, Потанин, Ядринцев, Кривошапкин):

аналитические описания локальных сообществ, позволяющие соотнести наблюдения современников с архивными данными.

Фонды ГАКК: судебные дела, документы общины, материалы местного самоуправления — они раскрывают механизмы разрешения конфликтов и закрепления локальных норм.

Принцип триангуляции — сопоставление данных из разных типов источников — снижает риск субъективной интерпретации и повышает надёжность выводов. Например, идея коллективной ответственности может проявляться одновременно в распределении труда (Девятов), в общинных решениях (ГАКК) и в фольклорных мотивах (Савельев).

Формулировка-пример:

«Триангуляция этнографических записей (Савельев), хозяйственных описаний (Девятов) и административных материалов (Крафт, фонды ГАКК) позволяет верифицировать устойчивые модели установок старожилов. Совпадение паттернов в разных типах источников служит основанием для вывода об их укоренённости в картине мира и помогает отделить массовые установки от индивидуальных взглядов».

Страница 4. Динамика ментальности: от архетипов древнерусской культуры к сибирскому субэтническому характеру

Формирование ментальности старожилов следует рассматривать как процесс взаимной адаптации культуры и внешней среды. Архетипические модели, сложившиеся в древнерусской культуре (общинная самоорганизация, сезонный ритм труда, нормы взаимопомощи), не переносились механически, а получали новую реализацию в условиях Сибири. В первые 150 лет освоения формируются локальные социоэкосистемы, где природные условия, орудия труда, быт, нормы распределения обязанностей и общинные правила взаимно подстраиваются друг под друга. На этом этапе складывается сибирский субэтнический характер как результат длительного закрепления адаптивных практик: автономия, готовность к риску в сочетании с осторожностью к резким переменам, высокая ценность коллективных решений. Эти черты проявляются не только в хозяйственных практиках, но и в

этнографических записях, фиксирующих приметы и ритуалы, связанные с защитой дома и урожая.

Формулировка-пример:

«В процессе освоения Сибири архетипические модели древнерусской культуры получают новую материальную и социальную реализацию. В условиях суровой среды и приграничья закрепляются такие черты сибирского субэтнического характера, как автономия, осторожное отношение к резким переменам и ценность коллективных решений. Их устойчивость подтверждается совокупностью источников: хозяйственные описания фиксируют распределение ролей и обязанностей, этнографические записи — нормативно-ритуальные границы „своего“ пространства, а документы общины — механизмы принятия коллективных решений».

Страница 5. Трансформация ментальности под давлением государства (ссылка, каторга, переселения, административные реформы) модернизации и рыночная цивилизация

В течение XVII - XIX вв. шли процессы формирования устойчивых социоэкосистем адаптированных локальных общинных миров старожилов Сибири,; процессы активного взаимодействия в коконцепте "вызов-ответ" российского государства, российского общества, культуры и ментальности с субэтническими социокультурными гнездами русских старожилов, взаимодействие ссыльнопоселенцев и старожилов, новых потоков переселенцев, их обустройство и адаптация в состав социума старожилов. К концу XIX века традиционный уклад сталкивается с новыми социально-экономическими условиями: развитие золотодобычи, создания промышленного сектора, строительства ежелезнодорожной магистрали, развитием торговли, ростом мобильности, усилением роли денег и появлением новых форм занятости. Эти вызовы запускают процессы переосмысления базовых норм и ценностей. Некоторые традиционные паттерны теряют актуальность, другие трансформируются и продолжают влиять на социальное устройство. Ярким примером сдвига служат новые модели социальной мобильности. Например биография художника В.И. Сурикова, биография сибирских купцов-предпринимателей (Н.Г. Гадалов и др.). Траектория И. И. Крафта (от сельского

писаря до губернатора) отражает изменение представлений о возможностях и легитимных путях продвижения в обществе.

На рубеже XIX–XX веков старые архетипы «пересобираются» в новых институциональных контекстах: нормы взаимопомощи и коллективной ответственности адаптируются к условиям рыночной экономики и новых форм организации труда.

В XX веке общинная система становится основой для новых форм коллективного устройства (в том числе колхозной модели), сохраняя ядро традиционных ценностей, но встраиваясь в иные экономические и политические рамки. Ментальность не исчезает, а эволюционирует: старые паттерны продолжают влиять на модели поведения, хотя их содержание и формы проявления существенно меняются.

Формулировка-пример:

«Модернизация выступает не как однозначная „ломка“ традиции, а как мощный вызов, запускающий процессы адаптации. Старые архетипы и нормы не исчезают, а трансформируются, получая новую реализацию в изменившихся условиях. Общинная система, сохраняя ценности взаимопомощи и коллективной ответственности, становится ресурсом для встраивания в новые социальные структуры, включая колхозную модель крестьянского социума».

Страница 6. Практическая значимость, сквозные исследовательские вопросы и связь с задачами монографии

Практическая значимость исследования состоит в разработке методологии ментальных исследований в рамках исторической психологии применительно к локальной сибирской тематике. Это позволяет:

Дать язык для описания «сибирского субэтнического характера» не как набора стереотипов, а как исторически обусловленной системы установок, верифицируемой источниками.

Предложить инструменты для междисциплинарного глоссария по исторической психологии и ментальным исследованиям, где термины («архетип», «стереотипный паттерн», «ментальная устойчивость») получают чёткие дефиниции и операционализацию.

Обосновать сквозные исследовательские вопросы, которые задают логику монографии:

Как архетипические модели проявляются в ситуациях «вызов-ответ»?

Где проходит граница между «традицией» и «новацией» в локальном сообществе?

Как язык описания реальности в источниках фиксирует сдвиг в ментальных установках?

Какие старые этнические паттерны оказались устойчивыми, а какие — быстро разрушились в условиях старожильской адаптации?

Сквозная линия исследования («от вызова через архетип к стереотипному паттерну») напрямую ложится в структуру монографии, обеспечивая единство подхода от теоретико-методологических оснований до анализа трансформации под давлением модернизации.

Формулировка-пример:

«Предложенная концепция позволяет системно раскрыть эволюцию ментальности русских старожилов Енисейской Сибири: от глубинных архетипов и этнических констант через процессы адаптации и формирование субэтнического характера к трансформации под влиянием модернизации. Такой подход обеспечивает целостность монографии и даёт верифицируемые индикаторы ментальных моделей, пригодные для междисциплинарного глоссария и дальнейшего анализа перехода к индустриальной и современной информационно-технологической цивилизации».

Практическое приложение к концепции: «Мир старожильской общины как лаборатория формирования сибирского субэтнического характера»

Мир старожильской общины Енисейской Сибири выступает не просто как социальная и хозяйственная система, а как устойчивая матрица воспроизводства традиционного сознания. Именно здесь глубинные архетипы древнерусской культуры (коллективизм, сезонный ритм труда, нормы взаимопомощи, осторожное отношение к переменам) проходят «проверку средой» и кристаллизуются в локальные стереотипные паттерны поведения, которые и составляют ядро сибирского субэтнического характера.

Как община фиксирует и транслирует ментальные установки

В старожильческом социуме нормы не декларируются как абстрактные ценности — они институционализируются в повседневных практиках и санкциях. Например, распределение ролей в семье и общине, зафиксированное в хозяйственных описаниях Ф. Ф. Девятова, отражает не только экономическую необходимость, но и картину мира: взрослый мужчина-работник, старшие как носители опыта, подростки как «входящие» в систему, дети и младенцы как зона коллективной ответственности. Такая структура воспроизводит архетипическую модель иерархии и преемственности, где статус и обязанности напрямую связаны с возрастом и опытом, а не с индивидуальными предпочтениями.

Этнографические записи А. А. Савельева (приметы, ритуалы, бытовые запреты и предписания) показывают, как эта картина мира закрепляется на уровне неосознаваемых автоматизмов. Приметы о погоде, урожае, границах «своего» пространства и правилах поведения в лесу — это не суеверия в современном оценочном смысле, а когнитивные схемы, позволяющие быстро принимать решения в условиях неопределённости и высоких рисков. В терминах исторической психологии ментальностей такие схемы выступают как операционализованные архетипы: они обеспечивают устойчивость поведения при изменении внешних условий.

Формулировки глоссария:

«Стереотипный паттерн старожильческого социума» — устойчивая, воспроизводимая в поколениях модель поведения, которая формируется на стыке архетипических установок и локальных условий среды, фиксируется в хозяйственных практиках, ритуалах и нормах общинного самоуправления, и проявляется как типичная реакция на повторяющиеся вызовы (неурожай, переселение, административные изменения).

Операционализация: распределение ролей в семье (Девятов), приметы и ритуалы (Савельев), механизмы разрешения конфликтов и нормы взаимопомощи (документы ГАКК).

Община как механизм адаптации: от вызова к новому стереотипу

Модель «от вызова через архетип к стереотипному паттерну» особенно наглядно работает на примере взаимодействия старожилов с переселенцами во второй половине XIX века. Вызов — массовое переселение и изменение демографической и

хозяйственной структуры общин. Архетип — норма коллективной ответственности и осторожного отношения к «чужим». Стереотипный паттерн, который закрепляется, — это гибкая система адаптации: с одной стороны, сохранение ядра норм (взаимопомощь, контроль за «своим» пространством), с другой — встраивание новых практик (найм рабочей силы, заимствование орудий труда и приёмов хозяйства).

Административные и биографические материалы (в том числе траектория И. И. Крафта) показывают, что новые формы социальной мобильности не отменяют общинную матрицу, а встраиваются в неё. Путь от сельского писаря до губернатора возможен именно в условиях, когда общинные навыки (умение вести делопроизводство, знание местных норм, способность к посредничеству) становятся ресурсом для вертикальной мобильности. Это не «слом традиции», а её эволюция: старые архетипы получают новую реализацию в новых институциональных контекстах.

Пример формулировки для главы о субэтническом характере:

«Сибирский субэтничный характер старожилов нельзя сводить к набору черт вроде „выносливость“ или „смелость“. Это исторически сложившаяся система устойчивых паттернов, в которой архетипические установки (коллективизм, преемственность, осторожность к резким переменам) реализуются через конкретные практики: распределение ролей и обязанностей, нормы взаимопомощи, ритуальные границы „своего“ пространства, механизмы разрешения конфликтов. Община выступает институтом, который не только фиксирует эти паттерны, но и транслирует их из поколения в поколение, обеспечивая устойчивость картины мира даже при значительных внешних изменениях».

Верификация через триангуляцию источников

Чтобы избежать субъективной интерпретации, в рамках концепции ставится задача верифицировать устойчивые паттерны по трём типам источников:

1. ***Хозяйственные описания (Девятов)*** — материальная фиксация распределения ролей, сезонных циклов, норм труда и ответственности.
2. ***Этнографические записи (Савельев)*** — фиксация неосознаваемых установок через приметы, ритуалы и бытовые предписания.

3. Документы крестьянских общин и административные материалы (ГАКК, биографии, включая Крафта) — фиксация норм и санкций, а также новых форм мобильности и адаптации.

Совпадение паттернов в этих разных типах источников служит основанием для вывода об их укоренённости в картине мира. Например, идея коллективной ответственности проявляется одновременно в распределении труда (Девятов), в ритуальных практиках защиты дома и урожая (Савельев) и в механизмах разрешения конфликтов (ГАКК). Такое совпадение снижает риск субъективной проекции исследователя и повышает надёжность реконструкции.

Фрагмент для методологического раздела:

«Триангуляция источников позволяет различать индивидуальные взгляды и массовые установки. Если паттерн (например, коллективная ответственность) фиксируется одновременно в хозяйственных описаниях, этнографических записях и документах общины, это свидетельствует о его статусе как стереотипного паттерна, а не как частного мнения. Такой подход соответствует принципу историзма и позволяет избежать модернизации прошлого: исследователь реконструирует „умственный инструментарий“ эпохи, а не приписывает ей современные категории».

Выводы:

Историческая психология ментальностей строится на стыке нескольких областей знаний: истории, психологии, этнологии, культурологии, антропологии и социологии. Это позволяет комплексно анализировать сложные феномены коллективного сознания. Центральным для дисциплины является понятие «ментальность» (или «менталитет»). Оно обозначает исторически сложившуюся совокупность устойчивых представлений, стереотипов, ценностей и способов мировосприятия, которые формируются под влиянием природных условий, этнокультурного окружения, исторического опыта и социальных факторов. Ментальность выражает не индивидуальные установки, а внеличную сторону общественного сознания, «разлитую» в культуре и обыденном сознании.

Таким образом, основа концепции исторической психологии ментальностей — это междисциплинарный синтез, который позволяет изучать глубинные структуры коллективного сознания в их исторической динамике.